чающий оригиналу. Мы заметили в нем очень мало спорных мест. Так, в сне Святослава «поганых толковин» переведено почему-то «di Peceneghi infedeli». О печенегах в это время уже не упоминается: скорее, поэт мог намекать на черниговских коуев, бывших причиной поражения Игоря. Но лучше было бы не уточнять и перевести «degli alleati infedeli (неверных союзников)».

Тут же сказано «una grossa perla»: переводчик не понял, что «женчюг» — собирательное имя и что следовало перевести «grosse perle» множественным числом. Нельзя считать удачным перевод «терема златоверхого как «reggia dalla cupola d'oro»: золотой купол на тереме весьма сомнителен. Почему-то «Сула не течет... граду Переяславлю» передано «non scorre... in pro della rocca di Perejaslavl»: Переяславль вовсе не стоит на скале.

Заметим несколько погрешностей в историко-литературной части. Так, автор пишет, что «Слово о погибели земли Русской» было открыто М. С. Грушевским в 1895 г., тогда как известно, что его нашел Х. Лопарев в Псково-Печерском монастыре и опубликовал в 1892 г. в «Памятниках Общества любителей древней письменности» (вып. 84); М. С. Грушевский напечатал в 1895 г. лишь небольшую заметку об этой находке.

Довольно странно утверждение, что русским дружинникам «были чужды этические идеалы западного рыцарства», примером чего должно служить «изложение любовных тем, совершенно отличное» от западных поэм. В последних будто бы любовь проявляется лишь в виде супружеской и семейной любви, как например в песнях о Сиде и о Роланде. «Слово» же, по мнению Р. Поджиоли, «не участвует в моральном настроении христианского духа, отличающего песни о Сиде и Роланде от варварской германской эпохи, и скорее приближается к эпосу Гомера. Достаточно указать на полную цинического и яркого реализма сцену умычки половецких девок» (стр. 33—34).

На это следует возразить, что песня о Сиде неудачно выбрана в качестве морального примера. Ведь главным сюжетом второй ее части является рассказ о том, как два молодых графа, женихи дочерей Сида, везя их на свадьбу, предпочли надругаться над ними по дороге и бросить опозоренными в пустынном месте. Это варварское неуважение к чести невест вызывает мщение Сида. Оно бросает яркий свет на «рыцарские идеалы» западного феодализма. Кроме того, тема прелюбодеяния типична для западного эпоса (Тристан и Изольда). Правда, в песне о Сиде есть образ верной и послушной жены героя. Но ведь «Слово о полку Игореве» дает еще более трогательные образы тоскующей Ярославны, «милой хоти Глебовны» и плачущей матери Ростислава. Если оно мимоходом упоминает о похищении языческих пленниц, то ведь так же поступали все западные феодалы, крестоносцы и не-крестоносцы, в это жестокое время. И курьезно, что проф. А. Мазон именно в этой умычке половчанок не видит ничего грубого, а, напротив, усматривает в ней «галантный стиль» французских рыцарских романов, «романтический легкий штрих» [4] в духе XVIII в.

Несколько странным является утверждение Р. Поджиоли, что в «Слове» не видно ни христианства, ни патриотизма, что, подобно эпопее Дигениса и испанским романцеросам, это лишь «пограничный роман», эпопея «реконкисты» (возвращения) утерянной Тмутаракани. Конечно, христианского духа в «Слове» гораздо меньше, чем в летописи, но оно все

---

[4] «Une touche romanesque et légère» (A. Mazon. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 165).